

ОТТЕПЕЛИ И ЗАМОРОЗКИ ДИАЛЕКТИКА РЕФОРМЫ И НОРМАЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Кризисы и реформистские попытки повторяются в странах Восточной Европы с завидной периодичностью. „Большие” кризисы имели место в 1956 г. в Венгрии и Польше, в 1968 г. в Чехословакии, в 1980 – в Польше (в среднем каждые 12 лет). Не стоит забывать и „малые” кризисы – Чехословакия и ГДР в 1953 г., Польша в 1970 г. У нас в СССР смена „либеральных” и консервативных эпох тоже поразительно наглядна: Сталин–Хрущев–Брежнев–Горбачев. Мини-цикл 1982–1985 гг. демонстрирует ту же закономерность: Брежнев–Андропов–Черненко–Горбачев. Консервативные и реформистские администрации чередуются с такой четкой регулярностью, какую не может обеспечить даже двухпартийная система в Соединенных Штатах или Англии.

Неизбежно возникает мысль, что речь идет не о случайностях, а о закономерном процессе, имеющем свою внутреннюю логику. Из общего правила, правда, есть два исключения – Болгария и Румыния. Но, как покажет дальнейший анализ, эти „исключения” лишь подтверждают общее правило.

* Статья самиздатского автора печатается без его ведома.

Тоталитарная модель „классического сталинизма” была по-своему целостной. В ней имелись зародыши будущих противоречий, но не они определяли характер социального развития. Стратегическая цель сталинизма состояла в построении индустриального общества нового типа. Эта цель была достигнута, хотя и невероятно дорогой ценой.

Все структуры управления и социальные организации должны были соответствовать данной цели, и они ей соответствовали. Мы можем осуждать насильственную коллективизацию, лагеря, антирабочее трудовое законодательство сталинской эры, но мы не можем отрицать, что в рамках избранной стратегии индустриализации все это дало определенный эффект. Проблемы возникают на более позднем этапе, когда от форсированной индустриализации приходится перейти к решению задач развития уже сложившегося индустриального общества, обладающего собственной динамикой, логикой воспроизводства и т. д., когда исторически назревшим оказываются переход от экстенсивного к интенсивному росту, научно-техническая революция, резкое повышение качества рабочей силы.

Таким образом становится очевидно, что перелом, произошедший в 1953 г., был вызван не только смертью Сталина, точно так же, как террор был порожден не только специфическими чертами его личности (по поводу вызревания предпосылок десталинизации в рамках сталинизма см. Г. Маркузе. Советский марксизм, 1964; попытка объяснить террор личными качествами вождя делалась неоднократно, см. например, модный роман А. Рыбакова „Дети Арбата”).

Характерно, что в 1953 г. все претенденты на руководство нашей страной сознавали необходимость определенных перемен: Маленков хотел либерализации „колхозного строя” в деревне, Берия и Молотов говорили о необходимости строгого соблюдения законов (Молотов даже об уменьшении числа запретов), Хрущев тайно готовил реабилитацию политических заключенных.

В СССР задачи первоначальной индустриализации были решены к 1953–57 гг. В Восточной Европе, где сталинская модель сложилась позже, материальные и социальные условия для индустриализации были более зрелыми и процесс завершился

быстрее (Чехия уже в 20-е годы являлась индустриальным обществом — в отличие от Словакии). К 1953—1957 гг. уровень развития большинства стран Восточной Европы оказался сопоставим с советским (а в ряде случаев и более высоким). В Албании, Румынии и Болгарии индустриализация задержалась, и задачи ее были решены лишь к 70-м годам, что и предопределило определенную политическую стабильность.

При переходе к новому этапу развития выявляются специфические противоречия:

1. Между центральными органами и местной инициативой. Решать в центре огромную массу текущих вопросов невозможно, процесс согласования непрерывно усложняется, а прав центр не отдает.

2. Между старыми деспотическими методами и новой потребностью в правовом регулировании. В период индустриализации директор мог быть „маленьким Сталиным” и обладать (в пределах своей вотчины) не менее полной властью, чем сам Он, Хозяин. Переход к правовому регулированию, как ни парадоксально, урезал возможности местной инициативы, укрепил власть центра и усилил бюрократизацию.

3. Между развитием потребительского рынка (неизбежным в условиях, когда растет производство и увеличивается количество, ассортимент товаров) и антирыночным характером планирования.

4. Между ростом квалификации, стоимости и запросов трудящихся и старой системой социального управления, образования, здравоохранения, организации общественных служб и т. д. То, что удовлетворяло и даже восхищало попутрамотных переселенцев из деревни неприемлемо для современного горожанина.

5. Между усложнившимися социальными интересами и „монопольной” структурой общественных организаций, не создающей каналов для выражения этих интересов. Масса трудящихся, которой управляли сталинистские верхи в Восточной Европе, после войны была атомизирована, дезорганизована, деклассирована. В послевоенный период начинают укрепляться социальные связи, формируются и осознаются групповые и коллективные интересы. В 40-е годы аппарат был единственной

сплоченной группой в обществе. В последующий период ситуация коренным образом меняется.

Список противоречий можно продолжить. Здесь выделены лишь наиболее важные в условиях созревания кризиса проблемы, которые соединены с великим множеством „второстепенных”, но не менее острых противоречий. Все, о чем говорилось выше, в конечном счете сводится на экономическом уровне к традиционному противоречию между производительными силами и производственными отношениями, а как следствие этого, на социальном уровне — к противоречию между новой структурой общества и старой структурой государственного аппарата.

Марксистский анализ общества помогает нам увидеть за нерешенными экономическими проблемами столкновение противоборствующих социальных сил. Структурные противоречия не получают своевременного разрешения именно потому, что существуют влиятельные группы, заинтересованные в том, чтобы все оставалось по-старому. Бюрократия выполнила определенную историческую миссию (другой вопрос — какой ценой). Для дальнейшего развития требуется не только изменить конкретные механизмы управления, но изменить и способ воспроизводства общества, ликвидировать бюрократические слои, неразделимо связанные с этими механизмами. Понятно, что никто не собирается добровольно отдавать власть и привилегии. Это ведет к затягиванию любых попыток преобразования, даже относительно умеренные реформистские инициативы тормозятся, а их практическое внедрение всегда запаздывает.

В условиях бюрократического управления запаздывание реформ становится если не законом, то, по крайней мере, закономерностью. Но рано или поздно противоречия достигают критического уровня, когда реформы начинают казаться необходимыми даже части привилегированных слоев. Высшая власть, центральный государственный аппарат заинтересованы в могуществе державы, в реальных экономических успехах. Так было в любом обществе. Экономический рост, возможно, не является благом сам по себе, но он позволяет улучшить положение низов без ущерба для верхов. Это правило одинаково действует как при капитализме, так и в обществах „советского типа”. Снижение темпов экономического роста или спад производства усиливают

в обществе перераспределительные тенденции, схватка за „раздел пирога“ становится все более острой, стабильность системы подрывается. Поэтому с того момента, когда груз нерешенных проблем оказывается непосредственной угрозой для дальнейшего роста, когда возникает вопрос о дефиците ресурсов не только на конкретном участке общественного производства, но и в масштабах системы, реформистские тенденции наверху резко усиливаются.

К этому надо добавить два обстоятельства.

1. Несмотря на формальное единство аппарата, естественный процесс формирования групп с устойчивыми специфическими интересами затрагивает и его. Аппарат внешне по-прежнему остается монолитным (и является таковым на деле по отношению к низам, социальным интересам вне себя), но внутренняя структура аппарата далека уже от монолитности — иначе и реформистского течения в нем бы не было.

2. Правящая группа („номенклатура“, бюрократическая элита, „этакратия“) тесно связана с основной массой бюрократии, рекрутирует оттуда своих членов, опирается на поддержку бюрократических „масс“ и т. д. Но в то же время для правящей группы серьезной проблемой является неэффективность бюрократии в решении задач, поставленных „сверху“. Возникающее „противоречие между этакратией и бюрократией“ может в условиях экономических трудностей привести к острому конфликту и даже к открытому противоборству. Между „элитой“, принимающей решения, и исполнительским аппаратом возникает отчужденность, взаимная подозрительность, наконец — открытая неприязнь.

Наконец, кризис усугубляется изначальной несбалансированностью сталинистского планирования (см. И. Коста, Ф. Левчик. Хозяйственный кризис в восточноевропейских странах СЭВ. Проект Млинаржа, докл. № 8).^{*} В условиях несбалансированности, отсутствия рыночных регуляторов отсутствие роста грозит стремительным спадом. Экономический рост в Восточной Европе необходим оказывается не только для достижения социальных целей, но и для компенсации диспропорций, порожденных самым характером планирования. Средства, полученные за счет роста, идут на „латание дыр“ в народном

* По-русски этот материал был опубликован в 15—16 номере журнала „Проблемы Восточной Европы“, Н. Й., 1986. — Ред.

хозяйстве. Когда дополнительных средств, получаемых за счет роста, становится меньше, диспропорции начинают резко обостряться, что, в свою очередь, приводит к снижению темпов роста и т. д. Иными словами: без расширенного воспроизводства невозможно в пределах данной системы поддержать простое воспроизводство. Таким образом объективно созревают условия для реформистского эксперимента и верхами осознается объективная необходимость его проведения.

„Первый этап“ реформ

Проведение реформ начинается со „стратегического участка“, который, по мнению лидеров страны, наиболее нуждается в переменах. В 1953—56 гг. речь шла, главным образом, об изменении политических методов управления (ставших и серьезным тормозом для развития науки — случаи с генетикой и кибернетикой), а также, отчасти, о сельском хозяйстве. Определенные сдвиги в политическом управлении имели место повсюду; в сельском хозяйстве принимались реформистские меры в СССР, Венгрии, Польше. В 1965—1970 гг. упор делался на промышленное управление. Однако в любом случае быстро выяснилось, что для успеха преобразований в одном звене надо затронуть другое. Начинается цепная реакция перемен. Реформа оказывается более глубокой и комплексной, нежели первоначально полагали ее инициаторы. В этом, однако, содержится и главная угроза реформизму. Эксперимент выходит за рамки первоначальных ограничений и начинает затрагивать интересы все более широких слоев, включая часть верхов, первоначально соглашавшихся с необходимостью перемен. Реформизм своим успехом подрывает собственную социальную базу.

Если перемены не затрагивают масс (средние слои и низы) или затрагивают их в незначительной степени, изменившееся соотношение сил наверху быстро приводит к прекращению эксперимента. Реформистский импульс гасится (как произошло у нас в 1964 г. с Хрущевым и в 1969 г. с хозяйственной реформой). На деле это не самый худший вариант, ибо общество получает возможность пользоваться необратимыми достижениями „первого этапа“ реформ. Нет возврата к террору после

Хрущева. Нет возврата к наиболее примитивным формам планирования после 1965–1969 гг. в СССР. Обе реформы – и хрущевская, и „косыгинская” 1965 года привели к росту жизненного уровня и дали определенный импульс для развития производства. Весь советский опыт до 1985 г. говорит о том, что когда „первый этап” реформы оказывается одновременно и последним, результаты его, оставаясь крайне ограниченными, одновременно надежно закрепляются.

В тех случаях, когда перемены оказались более глубокими или менее контролируемыми, когда породившие их противоречия обострились настолько, что нет возможности для „тихого” свертывания преобразований, средние слои, а затем и низы начинают постепенно втягиваться в политику. Лишь в этих условиях становится неизбежен переход к последующим этапам.

Неконтролируемая реформа

Для второго этапа реформистского процесса характерны следующие черты:

- все более интенсивное и сознательное сопротивление консервативных сил, понемногу приобретающее характер открытой политической борьбы против реформизма;
- эскалация требований низов и средних слоев;
- „безответственное” поведение средств массовой информации.

Последний пункт требует комментария. Средства массовой информации ведут себя безответственно не потому, что журналисты плохи. Но они утратили прежнюю функцию рупора власти (власть расколота на борющиеся фракции), дезориентированы борьбой наверху и не приобрели новой функции, ибо в обществе не сложились демократические институты, к которым пресса могла бы апеллировать. Общественное мнение, оторванное от институтов представительной демократии и „гражданского общества”, оказывается неконструктивным выражением коллективных эмоций (см. З. Млинарж в проекте о „Пражской весне”). К этому надо добавить культурный фактор, характерный преимущественно для России: в массовом восприятии печатное слово директивно. А когда газеты пишут

разное, они объективно дезориентируют читателя, не успешного „перестроиться”.

Обострение борьбы ведет к размыванию старой реформистской коалиции и формированию новых социальных блоков. Прогрессивный блок консолидируется вокруг требования более радикальных и последовательных реформ и на определенном этапе неизбежно заявляет о новых политических принципах, о разрыве с прошлым, необходимости свободных выборов, переходе к самоуправлению и демократическому социализму. Как показывает опыт, вопреки обычному предрассудку интеллигенции, активизация низов в рамках прогрессивного блока возможна, главным образом, на основе непосредственно политических требований. Сознание масс развивается скачкообразно. Сначала – ориентация на защиту своих узких материальных интересов, „философия копейки”, аполитизм, безразличие к глобальным проблемам общества. Затем – радикальные политические требования. Промежуточные этапы психологического развития оказываются ничтожно короткими. Общественное сознание похоже на паровую каток, несущийся с горы: сначала его трудно сдвинуть с места, потом невозможно остановить.

Со своей стороны, реакционный блок объединяет бюрократические слои с наиболее отсталыми группами трудящихся, используя традиционные противоречия: неквалифицированные против квалифицированных, провинция против столицы, мелкие городки и пригороды против крупных индустриальных центров.

Аппарат власти оказывается перед угрозой открытого раскола. Вынужденная радикализация реформ грозит некоторым его группам полной социальной ликвидацией, другие же имеют шансы адаптироваться к новым условиям (иногда – за счет изменения своей социальной роли и даже частичного деклассирования). Нельзя забывать и об идеологах, которые, как отмечал молодой Маркс, под воздействием логики собственных идей, порой переходят на все более радикальные позиции вплоть до изменения „классовой сущности” своей идеологии.

Если кризис верхов зашел достаточно далеко, расслоение бюрократии ведет к тому, что некоторые ее фракции присоединяются, хотя бы на время, к прогрессивному блоку. К тому же противоборство аппаратных группировок сводит к минимуму

эффективность управления и делает ситуацию еще менее контролируемой.

Напротив, если активизация масс идет быстрее, нежели обостряются противоречия внутри аппарата, то возможна реконсолидация бюрократии (как в Польше в 1982 г.). Отсутствие массового движения на первых этапах „Пражской весны” содействовало „отрыванию” одних бюрократических фракций от других. В Польше напор масс начался раньше, нежели раскол внутри бюрократии сделался необратимым.

В любом случае кризис порождает в партии раскол по вертикали (между группировками, ориентированными на те или иные течения „наверху”) и по горизонтали (между рядовыми партийцами и аппаратчиками). Внутри и вне партии начинается фактический переход к плюрализму, формирование соперничающих организаций.

Срзь реформы

Неизбежный провал ограниченной реформы ведет к непосредственному столкновению между прогрессивным и реакционным блоком, левыми и правыми. Как показал опыт, если правые силы терпят поражение, они прибегают к иностранной помощи. Но это вовсе не значит, будто противники реформ никогда не находят поддержки внутри страны.

Ограниченная реформа сверху в системах советского типа никогда не достигает поставленных целей. Она либо гасится на первом этапе, либо вызывает революционный кризис. Все революционные кризисы до сих пор завершались победой консервативных сил и последующей „нормализацией”. Поскольку же проблемы, породившие кризис, не были кардинально решены, всякая нормализация таила в себе зародыш будущего кризиса. В Польше эта диалектика реформы и нормализации продемонстрирована особенно наглядно событиями 1956, 1970, 1980 гг. У нас в СССР колебания политического курса отражали ту же тенденцию, но в сглаженном виде.

Все общества советского типа, выйдя из периода тоталитаризма, так или иначе сталкиваются с одинаковыми проблемами. Конкретные проявления кризиса и сроки его возникновения

могут быть различны, но во всех случаях мы имеем дело с однородным глубинным процессом. Это позволяет не только сравнивать аналогичные ситуации, но, при определенных условиях, предсказывать развитие событий. Именно люди, пережившие „Пражскую весну”, оказались способны к наиболее глубокому анализу ситуации 1980—81 гг. в Польше, в то время, как многие деятели „Солидарности”, убежденные в уникальности польского опыта, делали весьма наивные умозаключения. Еще раньше чехословацкие коммунисты-реформисты недооценили уроки венгерской революции на том основании, что „Чехословакия это не Венгрия”. В 80-е годы убеждение в том, что СССР не имеет ничего общего с Восточной Европой в культурном плане, свойственно значительной части интеллигенции, мешая правильному пониманию перспектив и опасностей горбачевской „перестройки”. Чехословакия, Венгрия, Россия, Восточная Германия и Польша непохожи друг на друга, но это не отменяет того факта, что речь идет об одной и той же общественно-экономической формации.

Можно выделить пять основных фаз развития кризиса в любой системе советского типа:

1. **Накопление и общественное осознание проблем. Формирование реформистского течения.** Впервые этот процесс начался в Восточной Европе и в СССР в 1951—1953 гг., хотя реформистская идеология получить сколько-нибудь завершенных форм в условиях сталинизма не могла. Тем не менее, в 1953—1956 гг. реформистская группировка в истеблишменте существовала повсеместно и активно действовала. Аналогичная ситуация сложилась в период 1962—1968 гг. Новый подъем реформизма не был вызван „Пражской весной”, напротив, чехословацкие события были высшей точкой более широкого восточноевропейского процесса. Третья волна реформизма поднимается в конце 70-х—начале 80-х годов.

2. **„Первый этап” реформ.** В СССР 1953—1956 и 1964—1966 гг. „первый этап” оказывается и последним. Аналогичным образом удается регулировать ситуацию и в ГДР. В Венгрии появление Имре Надя на политической сцене в 1953 г. знаменовало начало реформистского процесса, который остановить оказалось уже невозможно. Аналогичным образом получилось

и с реформой Ота Шика в Чехословакии. В Польше попытки ограниченной реформы предпринимались неоднократно — в 50-е, в 60-е и в 70-е годы. Наиболее серьезные шаги предпринимались именно Гереком в 70-е, что и подготовило кризис 1980 г.

3. Неконтролируемый процесс перемен, возникновение революционной ситуации. В зависимости от того насколько острой оказывается борьба наверху, насколько тяжелой является экономическая ситуация, а также в зависимости от уровня мобилизации, политического опыта и сознания масс, здесь возможны разные сценарии: раскол верхов и рост общественного движения на „интеллигентской основе” (чехословацкий путь), столкновение низов и верхов (польский путь 1970 и 1980 гг.), обострение борьбы наверху при одновременной стремительной активизации масс (венгерский путь 1956 г., польский путь 1956 г.).

4. Революционный кризис, раскол партии. В Венгрии раскол партии происходил и по вертикали (группа Надя—Капара боролась против группы Ракоши—Гере) и по горизонтали (рядовые члены партии участвовали в забастовках и уличных боях с силами безопасности); аналогичным образом складывалось положение в ГДР в 1953 г. и в Польше в 1956 г., когда сторонники Гомулки в партийном руководстве вели свою борьбу, а низовые активисты — свою. В Чехословакии на первый план вышел „вертикальный раскол” (Новотный против Дубчека), а в Польше в 1980 — „горизонтальный” раскол (движение коммунистов-реформистов оказалось слабым и склонным к компромиссу в верхних эшелонах партии, но крайне радикальным в низовых партийных организациях). В любом случае раскол партии лишь отражал общую поляризацию сил в обществе, возникновение фактического плюрализма и потребность широких слоев населения в демократическом социализме и/или национальном освобождении.

5. Нормализация. В Венгрии и Чехословакии имело место вмешательство „большого брата”. Польша, задолго до Ярузельского, уже накопила большой опыт „самонормализации” (гомуклизм) с опорой на националистическое крыло истеблишмента. В 1982 г. этот опыт лишь получил дополнительное развитие. В СССР и ГДР, где кризис никогда не достигал такой

остроты, как в „братских странах”, отсутствует и опыт активной нормализации, что, впрочем, не означает отсутствия соответствующих социальных возможностей.

Динамика и темпы процесса в разных странах оказывались разными. В Чехословакии, например, „большой брат” вмешался еще до того, как процесс достиг кульминации. И в Чехословакии и в Венгрии специфически пролетарские формы борьбы (забастовки, создание рабочих советов, движение за независимость профсоюзов) имели место с „запозданием” (Рабочий Совет Большого Будапешта в 1956—1957 гг., движение рабочих советов в Чехословакии в 1968—1969 гг.). В Польше, напротив, рабочий класс выступал каждый раз еще до того, как противоречия в истеблишменте достигали апогея. Но сейчас для нас интересны не эти частные особенности (которые, разумеется, тоже многое объясняют), а элементы совместного исторического опыта, которыми могут воспользоваться представители левых сил всех стран Восточной Европы, не повторяя ошибок друг друга.

Итоги кризиса

Хотя до сих пор торжество консерваторов оказывалось наиболее распространенным исходом, оно не может считаться фатально неизбежным. Успех революционно-реформистских сил остается реальной альтернативой. В свою очередь, нормализация может принимать разные формы в зависимости от экономической ситуации в стране и от сложившегося соотношения политических сил. **Нормализация может не только ликвидировать преобразования, но частично и закрепить их.**

Опыт Польши показывает, что каждое последующее правительство было в известном отношении лучше предыдущего. Гомулка деколлективизировал сельское хозяйство, хотя крестьяне-единоличники и попали в кабалу к государству. Деколлективизация оказалась в 1957 г. ценой нормализации. Герек обеспечил временную стабильность режима после рабочих волнений 1970 г. ценой резкого повышения жизненного уровня, свободы выезда и некоторых других социальных „послаблений”. Ярузельский все больше ориентирует экономику на рыночную

модель. При всех этих реформах в выигрыше оказывались скорее средние слои, мелкая буржуазия, в то время как рабочий класс, как правило, получал мало или ничего. Тем не менее, долгосрочные структурные сдвиги в польском обществе нельзя рассматривать исключительно с точки зрения интересов рабочего класса. Можно говорить о неравномерном и „несправедливом”, но все же бесспорном прогрессе.

Еще более поучителен урок Венгрии. Сторонники умеренных реформ видят в Будапеште свою Мекку, а в Кадаре своего пророка. Однако режим Кадара, каким он сложился к 70-м годам, — не продукт реформ, а комплексный результат революции и нормализации. Успех реформ 1968—1972 гг. — в отличие от большинства аналогичных реформ в соседних странах — был предопределен венгерскими событиями 1956—1957 гг. Политику Кадара можно характеризовать словами Грамши о „пассивной революции”: победители, подавив революционное движение, заимствуют часть программы побежденных. Психологической основой развития остается импульс революции (хотя о ней предпочитают не вспоминать). Фигура Кадара символична — до того как возглавить правительство „нормализаторов” он был вторым человеком в лагере революционеров.

Венгерский компромисс основан на осознании большинством общества уроков 1956 г. Низы и радикальные группы оппозиции готовы удовлетвориться ограниченной реформой, поскольку иной ход событий приведет к катастрофе. Консервативные группы готовы примириться с реформами, ибо нарушение равновесия вызовет повторение революционного кризиса. „Большой брат” выступает гарантом равновесия и успеха реформ так же, как в Чехословакии он выступал гарантом равновесия на основе ликвидации реформ. Москве нужна именно стабильность и, если умеренные реформисты могут обеспечить ее лучше консерваторов, поддержка оказывается на стороне реформистов.

Польша понемногу переходит к венгерской модели „нормализации”, хотя и более сложным путем. И для Венгрии и для Польши компромиссный характер нормализации связан с силой прогрессивного блока в массах во время революционного кризиса. Победители должны считаться с побежденными.

Следует помнить и о том, что стабильность при подобном сценарии нормализации остается неустойчивой. Власть постоянно должна маневрировать. Условия компромисса регулярно меняются и можно наблюдать постепенное сползание к новому кризису. Это как бы вялотекущий процесс, однако по сути он аналогичен тому, что происходило на первых фазах „Пражской весны”: венгры двигаются чехословацким путем к новому периоду активной политической борьбы, только двигаются медленно.

В Югославии страх перед внешней угрозой также является стабилизирующим фактором реформизма, но там все же происходят явные сдвиги в сторону размывания „национальной модели”, вялотекущая нормализация.

Нормализация

Поскольку, как уже говорилось, условия, вызвавшие необходимость реформ, не исчезают автоматически с началом нормализации, речь не может идти о механическом возврате к старому. Неизбежным оказывается формирование альтернативной консервативной или реакционной стратегии выхода из кризиса. Нормализация должна порождать собственные экономические условия. Для обеспечения успеха могут быть использованы четыре основных стратегических варианта:

1. Опора на дополнительные ресурсы братских стран (ГДР после 1953 г., Польша и Венгрия после 1956 г., Чехословакия после 1968; Польша после 1982 г.). После 1970 г. Герек попытался опираться не на ресурсы союзников, а на помощь капиталистических банков, но это случай исключительный.

2. Сохранение некоторых реформ, главным образом, „первого этапа”, совместимых (частично) с консервативной стратегией. Этот вариант применялся также почти повсеместно, за исключением Чехословакии при Гусаке.

3. Временное (для наведения порядка) снижение уровня производства до масштабов, предшествовавших кризису; временный отказ от попыток форсировать экономический рост (характерно для первых лет Ярузельского в Польше).

4. Снижение жизненного уровня, перераспределение национального дохода, увеличение фонда накопления за счет потребления (рецепт ряда консервативных экономистов в СССР).

Комбинации тут могут быть разные. Маловероятно сочетание всех четырех вариантов консервативной стратегии в рамках одного политического курса. От того, в какой пропорции будут сочетаться те или иные варианты, зависит конкретный сценарий нормализации.

Как мы видели уже из перечисления примеров, первые два варианта являются наиболее простыми и чаще всего использовались. Но далеко не всегда братские страны располагают избыточными ресурсами (уже в 1982 г. для Ярузельского нашлось не так уж много), далеко не всегда можно сохранить какие-то реформы.

В крайних случаях сторонникам нормализации не остается ничего кроме двух последних вариантов. В 1982 г. Ярузельскому пришлось идти на снижение жизненного уровня трудящихся, чтобы выполнить свою программу стабилизации. Если у нормализаторов не остается никаких других средств для наведения порядка в экономике кроме тех, что предусмотрены вариантами 3 и 4, речь идет уже не о консервативной, а о неототалитарной реакции. До сих пор такая стратегия еще не была нигде последовательно реализована. Но отсюда нельзя сделать вывода, будто такое невозможно в будущем.

Заключительное замечание

Все мы надеемся на лучшее. Перемены, начавшиеся в СССР после XXVII съезда и январского пленума ЦК КПСС (1987 г.), вселяют оптимизм в широкие общественные слои. Но забывать об уроках истории нельзя. Необходим конкретный анализ современной ситуации в нашей стране. Здесь, однако, нет места для решения подобной задачи: мы лишь стремились выявить некоторые общие закономерности реформистского процесса на материале стран Восточной Европы. Тем не менее, можно отметить два важных момента, многое объясняющих в наших собственных делах.

1. Общая вера в то, что „уж у нас-то в России „Большого брата“ нет“, довольно наивна. Конечно, ни чехи, ни монголы к нам не вторгнутся. Но для нас в СССР „Большой брат“ — не только иностранные танки. То, что для венгров или чехов было внешней опасностью, для нас становится внутренней опасностью. Абсолютный и относительный вес социальных слоев, враждебно относящихся к переменам, у нас в силу особенностей исторического, культурного и социально-экономического развития значительно больше, нежели в „братских странах Восточной Европы“. Именно это и делало нашу страну надежной опорой всех „нормализаций“, долгое время сохранявшей „иммунитет“ к заразе демократического социализма. Именно это позволяло до последнего времени легко и безболезненно „гасить“ колебания политического курса, останавливать реформистские инициативы. Сейчас ситуация перевернулась и „гасить“ реформистские импульсы больше не удается, но это вовсе не исключает возможность „нормализации“ со всеми вытекающими отсюда последствиями. „Большой брат“ — среди нас. Сейчас у всех нас праздник, но помните, что каникулы „Большого брата“ могут продолжаться не слишком долго.

2. В силу этого встает вопрос о перспективных сценариях нормализации. Поскольку наша страна впервые в истории сама испытывает дефицит ресурсов, а государства Восточной Европы традиционно опирались именно на избыточные ресурсы СССР, использование внешней помощи для консервативной стабилизации в условиях кризиса маловероятно. Это повышает удельный вес других возможностей в формировании антиреформистской стратегии. Иными словами, очевидно, что у нас консервативный вариант нормализации практически невозможен. В случае успеха нормализация скорее всего примет характер реакции. Перспективы новых нормализаций в „братских странах“ Восточной Европы тоже выглядят довольно мрачно. Сценарии нормализаций, реализованные до сих пор, были „мягкими“. Сейчас сохраняется реальная возможность только для „жесткого“ варианта.

Подобный вывод еще не дает оснований для пессимизма. Реальная проблема не столько в том, чтобы предсказать опасность реакции, сколько в том, чтобы не допустить ее.